

УДК 343.13:347.9

DOI 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).1.047-051

ДМИТРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ БАБИЧЕВ,

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры судебной и правоохранительной деятельности,
Костромской государственной университет,
г. Кострома, Российская Федерация,
e-mail: babichev-lavd@inbox.ru

ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР В СФЕРЕ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: К РАСШИРЕНИЮ ГРАНИЦ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Для цитирования

Бабичев, Д. А. Прокурорский надзор в сфере оперативно-розыскной деятельности: к расширению границ правоприменения / Д. А. Бабичев // Человек: преступление и наказание. – 2019. – Т. 27(1–4), № 1. – С. 47–51. – DOI : 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).1.047-051.

Аннотация. В статье рассматриваются установленные законодателем положения о пределах прокурорского надзора в сфере оперативно-розыскной деятельности, в частности, проводится критический анализ нормы Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», согласно которой сведения о лицах, оказывающих содействие органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность на конфиденциальной основе, представляются соответствующим прокурорам только с их письменного согласия, за исключением случаев, требующих привлечения таких лиц к уголовной ответственности. Указывается, что в оперативно-розыскной практике имеют место факты, когда лица, оказывающие содействие, из-за личной заинтересованности искажают мотивы и обстоятельства преступления, в ложном свете представляют роль в его совершении разрабатываемых лиц. Это приводит к проведению нецелесообразных оперативно-розыскных мероприятий, следственных действий и экспертиз, влечет за собой бесполезную трату времени, сил и средств, а иногда и нераскрытие преступления. В связи с этим предлагается расширить права уполномоченных прокуроров в части требования сведений о личности конфиденента без его согласия при объективной на то необходимости.

Ключевые слова: прокурорский надзор, оперативно-розыскная деятельность, оперативно-розыскное решение, оперативно-розыскная практика, законность, конфиденент, негласное сотрудничество, оперативно-розыскное мероприятие, информация, преступление.

© Бабичев Д. А., 2019

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

Право при всей исторической предопределенности является основанной на имеющемся представлении о наблюдаемой действительности доктриной момента, результатом формально признанной договоренности о формах рационального сосуществования людей в обществе [1, с. 126]. Действующее законодательство России – результат серьезных исследований на протяжении многих лет. При его применении неизменно остается постулат о том, что критерием истины является практика. Данный постулат полностью применим к действующему или любому проектируемому законодательству. Подтверждением тому является динамика внесенных изменений и дополнений в федеральные законы «Об оперативно-розыскной деятельности» и «О прокуратуре Российской Федерации».

В данном ракурсе представляется необходимым проанализировать нормативные предписания, регламентирующие пределы прокурорского надзора в сфере оперативно-розыскной деятельности (ОРД). Такого рода исследования проводили К. К. Горяинов, С. И. Захарцев, Ю. Ю. Игнащенко, А. Ф. Козусев, В. Ф. Луговик, С. М. Лугович, А. Г. Маркушин, В. С. Овчинский, И. Т. Махмудов, В. М. Пашин, И. Л. Петрухин, Б. Г. Розовский, В. П. Сальников, Г. К. Синилов, А. Г. Халиулин и др. К сожалению, единой концепции, направленной на совершенствование надзорной деятельности уполномоченных прокуроров в указанном аспекте, так и не было выработано. Наиболее дискуссионным остается подход к применению положений ч. 3 ст. 21 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», согласно которому сведения о лицах, внедренных в организованные преступные группы, о штатных негласных сотрудниках органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, а также о лицах, оказывающих содействие этим органам на конфиденциальной основе, представляются соответствующим прокурорам только с письменного согласия перечисленных лиц, за исключением случаев, требующих их привлечения к уголовной ответственности. От оценки предписаний данной нормы зависит общий потенциал результативности практики прокурорского надзора в оперативно-розыском процессе.

Институт конфиденциального сотрудничества, пройдя путь развития от глубоко секретного агентурного метода [2, с. 124] до действенного инструмента сопровождения оперативно-розыскных и процессуальных мероприятий, играет одну из ведущих ролей в предупреждении и раскрытии преступлений. В силу своей специфики он находится вне пределов прокурорского надзора. При этом данный институт неминуемо с таким надзором соприкасается, попадает в поле зрения уполномоченных прокуроров, поскольку лежит в основе принятия множества оперативно-розыскных решений, обогащает уголовно-процессуальное расследование сведениями доказательственного характера.

Право граждан участвовать в подготовке и проведении оперативно-розыскных мероприятий с сохранением конфиденциальности закреплено на законодательном уровне (ч. 1 ст. 17 Федерального закона от 12 августа 1995 г. «Об оперативно-розыскной деятельности»). По своей логической основе информация, полученная в процессе проведения оперативно-розыскного мероприятия, имеет ту же природу, что и показания свидетелей. А оценка объективности показаний свидетеля во многом зависит от уяснения его личности: психического и физического здоровья, способности правильно воспринимать, запоминать и воспроизводить полученную информацию, от устойчивости к внешним негативным воздействиям. Оценка же свидетеля по этим параметрам обычно возникает при несоответствии его показаний общей картине совершенного преступления. Она необходима и тогда, когда показания свидетеля являются единственным источником путей поиска неустановленного преступника, так как ошибка в определении направления расследования может привести к нераскрытию преступления.

В полной мере изложенное относится к оценке информации, полученной от негласного источника, если эти сведения принимаются за ключ к дальнейшему расследованию. В силу этого в определенных случаях правоприменительной практики требуется анализ личности конфиденнта. Следовательно, нуждаются в пересмотре и установленные законодателем предписания, ограничивающие представление уполномоченным прокурорам сведений о лицах, оказывающих содействие, двумя условиями: письменным согласием таких лиц либо совершением ими преступления.

Например, конфиденнт А. в деталях предоставил оперативному работнику сведения о подготовке и совершении убийства неким М. гражданина Т. Полученная информация в некоторой части нашла подтверждение. Действительно М. по данным контроля телефона находился в месте, где позднее обнаружен труп Т. В самом деле, между М. и Т. были сложные отношения. Однако у М. не было найдено орудие преступления, не обнаружены его отпечатки пальцев, отсутствовали на нем и его вещах следы крови. При этом в прокуратуре незадолго до убийства рассматривались материалы конфликта между М. и его партнерами (в том числе конфиденциальным источником информации А.) из-за распределения прибыли в совместной бизнес-структуре. Позднее А. отказывался давать показания, быть свидетелем. В такой ситуации у прокурора объективно возникли сомнения в причастности М. к убийству Т., а также в достаточном количестве версий совершения преступления, определении круга подозреваемых лиц, верности заданных направлений раскрытия преступления. В ходе расследования выяснилось, что убил Т. именно А., который для направления следствия по ложному пути предложил себя в качестве конфиденнта.

Случай отнюдь не единичный. В оперативно-розыскной практике имеют место факты, когда лица, оказывающие содействие оперативно-розыскным органам на конфиденциальной основе, из-за личной заинтересованности искажают мотивы и обстоятельства преступления, в ложном свете представляют роль в его совершении разрабатываемых лиц. Закономерно, что это негативно влияет на квалификацию содеянного, приводит к проведению нецелесообразных оперативно-розыскных мероприятий, следственных действий и экспертиз, влечет за собой бесполезную трату времени, сил и средств. В связи с этим конструктивной видится позиция законодателя, который запрещает конфиденнтам предоставлять оперативно-розыскным органам заведомо ложную информацию (ч. 1 ст. 17 Федерального закона от 12 августа 1995 г. «Об оперативно-розыскной деятельности»). В закрепленном правоограничении прослеживается стремление пресечь вероятные оговоры и близкие с ними формы недобросовестного отношения к своим обязанностям, упредить неэффективную работу органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность. В то же время указанное нормативное предписание остается недоработанным, имеет больше рамочный характер, поскольку не содержит четкой привязки к механизмам реализации юридической ответственности.

В открытых источниках отмечается, что предоставление заведомо ложной информации агентом является разновидностью фальсификации информации. В данном случае заведомая ложность сведений означает следующее: агент сознает, что сообщает оперативнику информацию, которая полностью или частично не соответствует действительности, предвидит, что своим сообщением вводит в заблуждение оперативно-розыскной орган (оперативника), и желает таким образом ввести его в заблуждение. Сообщение агентом оперативнику информации (в любой форме), в которой изложены заведомо ложные сведения о совершении кем-либо преступления, следует квалифицировать как заведомо ложный донос, а лицо, совершившее это преступление, подлежит уголовной ответственности (ст. 306 УК

РФ). Кроме того, если агент, участвуя в осуществлении оперативно-розыскного мероприятия, мог получить достоверные сведения о готовящемся или совершенном преступлении, однако по той или иной причине умышленно скрыл их от оперативника, поведение агента может послужить основанием не только для прекращения с ним сотрудничества, но и для привлечения его при определенных обстоятельствах к уголовной ответственности по ст. 316 УК РФ за укрывательство преступления [3].

В контексте приведенных доводов и рассуждений нам импонирует позиция авторов, согласно которой содействие лиц должно соответствовать практической целесообразности, поэтому принципиально важно, чтобы оперативно-розыскные органы решали стоящие перед ними задачи, предусмотренные Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности», при помощи содействующих им лиц, а не наоборот [4, с. 221]. Такой подход удачно ставит акценты на роли конфиденентов в борьбе с преступностью, коррелирует с их представлениями о законности оперативно-розыскной деятельности, соблюдение которой охватывается прокурорским надзором.

Следует отметить, что в западных странах организация прокурорского надзора за использованием секретных агентов в системе противодействия преступности имеют как схожий, так и диаметрально противоположный характер. Например, в Великобритании полицейский организует работу с лицами, оказывающими конфиденциальное содействие, по личному усмотрению и не отчитывается ни перед кем об их использовании. Возможность независимого планирования, организации работы и самостоятельного использования конфиденентов при проведении оперативно-розыскных мероприятий служит важнейшим гарантом невмешательства в деятельность сотрудника оперативного подразделения. В США решение о привлечении секретных агентов к выполнению заданий полиции принимает руководитель соответствующего полицейского органа, а также начальник уголовной полиции или его заместитель. Вопрос о необходимости использования при проведении секретной операции секретного оперативного сотрудника согласовывается с прокуратурой [1, с. 62].

В ряде зарубежных стран в уголовном процессе, констатирует А. Н. Халиков, широко используются сведения, получаемые через осведомителей или агентурный аппарат, в том числе для доказывания при расследовании и судебном рассмотрении уголовных дел. Однако такой опыт пока не может быть широко применен в России в силу сложившегося менталитета, следственной и судебной практики. Агентурная работа в России носит больше информационный, а не доказательственный характер [5, с. 289].

Тезис авторитетного исследователя со столь категоричной тональностью небезоснователен. Конфиденциальное сотрудничество в оперативно-розыскной деятельности, несмотря на его высокую социальную значимость и во многих ситуациях эффективность, не панацея в борьбе с преступностью. Полученная в процессе его осуществления информация далеко не всегда соответствует требованиям, предъявляемым к доказательствам. Абсолютная закрытость, в свою очередь, закономерно порождает сомнения в достоверности сведений, обуславливает необходимость их проверки наряду с иными доказательствами.

На наш взгляд, агентурный метод сегодня – это уже во многом «секрет Полишинеля», требующий адекватной коррекции его использования с учетом развития правовых механизмов противодействия современному криминалу. В связи с этим российскому законодателю, руководствуясь интересами осуществления эффективной борьбы с преступностью и ее организованными проявлениями, бесполезно принять во внимание опыт стран Запада, а также правоприменительную практику некоторых стран СНГ.

Например, Украина с принятием в 2012 г. нового Уголовно-процессуального кодекса (УПК) стала на путь активизации процессов использования сведений, полученных оперативно-розыскным (негласным) путем, в уголовном процессе. На законодательном уровне закреплены механизмы допроса негласных источников с соблюдением требований конфиденциальности и безопасности. Так, согласно положениям ч. 2 ст. 256 УПК Украины «Использование результатов негласных следственных (розыскных) действий в доказывании» лица, которые проводили негласные следственные (розыскные) действия либо были привлечены к их проведению, могут быть допрошены как свидетели.

С учетом изложенного целесообразно вынести на обсуждение научного сообщества, уполномоченных прокуроров, осуществляющих надзор за законностью оперативно-розыскных решений, сотрудников оперативных подразделений органов внутренних дел и других заинтересованных лиц вопрос о дополнении Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» положениями, согласно которым при наличии оснований прокурор вправе вносить представление органу, осуществляющему оперативно-розыскную деятельность, о проведении оценки положенной в основу расследования информации с учетом потенциально возможной заинтересованности лица, оказывающего содействие на конфиденциальной основе, в исходе дела. При этом, что особенно важно, наделить прокурора правом при объективной необходимости требовать предоставления сведений о личности такого лица без его согласия.

Предлагаемая инициатива, даже с учетом всех вышеприведенных доводов, не исключает риски, подпитанные сомнениями в профессионализме уполномоченных прокуроров и их порядочности. Тем не менее, обеспечивая законность и эффективность оперативно-розыскной деятельности, без расширения границ надзорной деятельности уполномоченных прокуроров сегодня не обойтись. На случай необоснованной расшифровки конфиденента нужны действенные компенсаторные механизмы, гарантирующие на государственном уровне их своевременную безопасность и реальную финансовую поддержку.

Библиографический список

1. Луговик В. Ф., Лугович С. М. Правовой статус оперуполномоченного при проведении оперативно-розыскных мероприятий : монография. М., 2018. 156 с.
2. Маркушин А. Г. Оперативно-розыскная деятельность : учеб. и практикум для академ. бакалавриата. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2016. 301 с.
3. Понятие и классификация лиц, содействующих оперативно-розыскным органам. URL : <http://textbook.news/rozyisknaya-deyatelnost-operativno/ponyatie-klassifikatsiya-lits-sodeystvuyuschih-115131.html> (дата обращения: 24.08.2018).
4. Теория оперативно-розыскной деятельности : учебник / под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского, Г. К. Синилова. М., 2007. 832 с.
5. Халиков А. Н. Оперативно-розыскная деятельность : учебник. 2-е изд. М., 2017. 324 с.